

Глава 1

Никто не помнил, когда именно в привычную повседневность начали проникать необъяснимые, пугающие явления.

Таинственный старик, соревнующийся в скорости с мотоциклистами; чья-то зыбкая тень, притаившаяся под кроватью; неведомое существо, вкрадчиво подражающее маминему голосу... Древние врата, некогда отделявшие человечество от непостижимого потустороннего мира, со скрипом приоткрылись вновь, и реальность подернулась зыбкой, туманной дымкой.

— В глубокой древности люди делили эту землю с иными созданиями. Сейчас всё просто возвращается на круги своя. Когда это было? Да пару тысяч лет назад.

Жадные до власти заклинатели сразу почуяли выгоду: если демоны заполонят улицы, для них настанет золотой век. Они лихорадочно искали способ оседлать этот ветер перемен, чтобы взмыть к самым вершинам могущества.

«Ходит легенда о совершенно особом демоне. Обликом он неотличим от человека, но кровь его подобна жидкой ртути и источает дивное благоухание. И человек, и демон, испив ее, обретут абсолютную силу и бессмертие. Коль скоро прочие твари пробуждаются ото сна, нет причин, по которым Бог Цветов обойдет нас стороной».

Вскоре среди заклинателей поползли слухи, превратившиеся в пророчество: явится Бог Цветов, и тот, кто завладеет им, подчинит себе Поднебесную.

Будь то беспринципные интриганы или благородные мечтатели — все грезил лишь о Боге Цветов. Им жаждалось заполучить его силу, чтобы переписать законы этого мира. Со временем о легенде прознали и демоны, что постепенно просыпались и делили между собой территории.

Однако до всего этого не было никакого дела Ся Саньцзюню. Он давно оставил мир заклинателей, вознамерившись уйти на покой. Сейчас он застыл перед дверью родильного отделения, внутри которого находилась его дочь.

— Эх... — Ся Саньцзюнь тяжело вздохнул.

Пожалуй, это и была кара за былые грехи. Непримируемый борец с нечистью, всю жизнь посвятивший истреблению демонов, теперь ждал появления на свет внука, в чьих жилах будет течь наполовину демоническая кровь.

По другую сторону стены, на родильном столе, Ся Юэ изнывала от мук. Ей полагалось оставаться в сознании, однако реальность неумолимо ускользала, уступая место странному, пугающему видению.

Она очутилась посреди бушующего поля битвы. С иссиня-черного неба, подобно метеоритному дождю, сыпались снаряды, вздымая то тут, то там багрово-золотые ядерные грибы. Странно, но страха она не испытывала. Ся Юэ лишь зачарованно смотрела на парящий в вышине тонкий мужской силуэт. Тот напоминал обнаженный клинок, рассекающий небесный свод, отчего все мироздание содрогалось в судорогах.

Кто это? Почему от одного его вида по груди разливается щемящее тепло?

— Значит... ты и есть моя мать? — донесся откуда-то издалека негромкий голос.

Парящая фигура медленно обернулась. Силуэт оставался размытым, но Ся Юэ интуитивно поняла: этот юноша невероятно красив, а сама его душа источает тонкий, чистый аромат.

— Вверяю себя тебе.

— Кто ты? — Она сделала несколько поспешных шагов вперед, отчаянно пытаясь разглядеть его лицо, но резкая, разрывающая боль внизу живота швырнула ее обратно в явь:

— А-а-а!..

Лишь спустя долгие часы мучений Ся Юэ наконец разрешилась от бремени. Младенец на первый взгляд ничем не отличался от обычных новорожденных.

— Уа! — багровый, сморщенный комочек издал короткий писк и тут же упрямо сомкнул крошечные губки.

Акушерка ловко запеленала кроху, закрепила на крохотной лодыжке бирку с именем матери и временем рождения, после чего бережно поднесла его к изнуренной, покрытой испариной Ся Юэ:

— Поглядите, какой славный богатырь у вас родился. Настоящий мужчина.

Молодая мать посмотрела на сына. Сквозь слипшиеся влажные волосики и припухшие веки разглядеть хваленую красоту было решительно невозможно. Вспомнив, при каких обстоятельствах был зачат этот ребенок, и содрогнувшись от груза собственного прошлого, она лишь тяжело вздохнула и слабо кивнула, глядя на крошечное, беззащитное тельце.

После недолгого отдыха Ся Юэ переложили на каталку и вместе с люлькой повезли наружу. Она ожидала увидеть в коридоре лишь свою близкую подругу А-Хуэй, однако рядом с той стоял статный седовласый мужчина с лицом зрелого мужа. Это был ее отец, Ся Саньцзюнь.

— Отец?.. — Ся Юэ инстинктивно прижала к себе плетеную люльку.

Молодую маму с новорожденным определили в заранее забронированную палату. Рожениц в эти дни было немного, так что комната оказалась полностью в их распоряжении.

Ни Ся Юэ, ни Ся Саньцзюнь не проронили ни слова. Оба обладали на редкость упрямым и скрытным нравом: любые обиды и переживания они привыкли держать глубоко в себе, не выставляя напоказ.

— Юэ-Юэ, я пойду раздобуду теплого отвара с тростниковым сахаром, — засуетилась А-Хуэй, переводя взгляд с угрюмого отца на притихшую дочь. Она решила оставить их наедине, чтобы дать шанс объясниться и залечить старые раны. — Нянечка, не подскажите, где тут буфет? Проводите меня, пожалуйста.

С уходом подруги в палате воцарилась гнетущая тишина. Ся Саньцзюнь подошел к детской кроватке и всмотрелся в личико спящего внука:

— И все же ты решила родить от этого отродья...

При этих словах лицо мужчины исказилось судорогой. Но гневался он не на дочь — его душили ярость к тому демону и горькое раскаяние. Если бы в прошлые годы он не отдавался без остатка делам заклинателей, если бы уделял дочери хоть немного внимания, разве случилось бы это несчастье?

Ся Юэ уткнулась лицом в подушку. Раскаиваться было поздно, теперь оставалось лишь как-то жить дальше.

— Прости меня, отец, — глухо отозвалась она.

Глядя на безутешную дочь, Ся Саньцзюнь осекся. Он прекрасно знал настоящую причину, почему Янь Ли — этот высокопоставленный демон — внезапно охладел к Ся Юэ и попытался безжалостно избавиться от нее. Всею виной был любовный гу, которым его опоила дочь семьи Бай, Бай Синь. Но расскажи он об этом Ся Юэ, она непременно растрогается и попытается вернуться к предателю. Пока проклятие не снято, дело все равно кончится трагедией. Уж лучше пусть считает его изменником: так они быстрее разойдутся, как в море корабли.

Поэтому он сменил тему:

— Отдай ребенка мне, а сама попытайся начать все заново. Ты еще совсем молода, у тебя вся жизнь впереди.

Пальцы Ся Юэ судорожно сжали простыню. Она понимала, что отец прав. В свои восемнадцать лет она совершенно не была готова к материнству. Иллюзии первой любви затуманили ей разум, скрыв под собой суровую реальность. В девичьих грезах она видела лишь красивую сказку, жертвовала собой ради чувств и упивалась собственной преданностью, не подозревая,

насколько коварна природа демонов. Вчера он клялся ей в вечной любви, сегодня нашел другую страсть, а завтра — попытался хладнокровно убить.

От этих воспоминаний к горлу подкатывала тошнотворная горечь. Ся Юэ невольно перенесла эту обиду на невинное дитя, почувствовав к новорожденному глухое раздражение.

Но действительно ли стоит отдать его отцу?

Она перевела взгляд на люльку. На душе скребли кошки: этот ребенок был плотью от плоти ее самой, но в то же время нес в себе кровь мерзавца, растоптавшего ее жизнь. Она попросту боялась смотреть на него.

— Позволь мне подумать.

В этот момент в палату вернулась А-Хуэй с баночкой дымящегося пшеничного отвара. Ся Саньцзюнь бросил на дочь долгий, прощальный взгляд, пристроил принесенные гостинцы на тумбочку, строго велел нянечке ни на шаг не отходить от роженицы и повернулся к двери:

— Думай. Завтра я навещу тебя снова.

Ся Юэ промолчала.

Выйдя в пустой коридор, Ся Саньцзюнь в очередной раз сокрушенно вздохнул и привычным жестом наложил на палату барьер.

Как только шаги мужчины стихли, А-Хуэй пристроилась на край постели подруги.

— О господи, Юэ-Юэ, почему ты ничего мне не рассказала? Я для тебя вообще кто — подруга или так, мимо проходила? Значит, академический отпуск ты взяла из-за беременности? — Она скользнула взглядом по припухшему личику младенца. — А где этот твой... благоверный? Почему он бросил тебя одну в такой момент?

Ся Юэ отвела глаза:

— Мы расстались. Три месяца назад.

— Чего?! — А-Хуэй так и подпрыгнула на месте, лицо ее перекосило от бешенства. — Что это еще за козел паршивый?! Как он посмел так поступить с тобой? Ну-ка говори, как зовут этого ублюдка, где он околачивается? Да я его лично на ремни порежу!

— Не надо, А-Хуэй. Я не хочу о нем вспоминать.

А-Хуэй лишь бессильно всплеснула руками, сокрушаясь о мягкотелости подруги:

— Ладно, бог с ним. Но дальше-то ты как жить думаешь? Вернешься к учебе? Без диплома нормальную работу не сыщешь, а у тебя теперь на руках младенец...

Будущее казалось Ся Юэ беспросветной мглой. Когда наивные девичьи грезы развеялись, перед ней предстала лишь грязная, жестокая реальность. В голове у нее настойчиво зазвучали слова отца.

«Отдать ли ребенка ему на воспитание?» — пронеслось в ее мыслях.

Пожалуй, это лучший выход. С отцом малыш ни в чем не будет нуждаться, да и сама она...

Ся Юэ посмотрела на спящего кроху. Личико пока оставалось припухшим, черты лица толком не оформились. Естественный материнский инстинкт боролся с трезвым расчетом, но стоило ей вспомнить предательство Янь Ли, как внутри все замерзло от неприязни.

Ее собственная жизнь уже наполовину разрушена. Если она оставит ребенка себе, впереди ее ждут лишь бесконечные трудности и осуждение общества. Кроху действительно разумнее вверить деду.

Ся Юэ прижала ладонь к губам, плечи ее мелко задрожали:

— Прости меня...

— Юэ-Юэ, ну ты чего, не плачь! — испугалась А-Хуэй, торопливо вытаскивая салфетки и вытирая слезы на щеках подруги. Ей показалось, что она сама ранила Ся Юэ своими расспросами. — Тебе сейчас совсем нельзя волноваться, после родов вредно плакать.

— Нет, это я... я ничтожество. Почему я такая трусливая и бесхребетная? Из-за собственной глупости жизнь себе сломала, так еще и ребенка на муки обрекаю. — Слезы непрерывным потоком катились из глаз Ся Юэ. Решение было принято.

Ночь выдалась необычайно тихой. Хотя в палату наняли сиделку, А-Хуэй наотрез отказалась уходить домой и устроилась на соседней койке.

Малыша уже искупали и вернули матери. На его голове топорщился мягкий младенческий пушок, кожа все еще оставалась красноватой.

Ся Юэ кормила его смесью из бутылочки. Вопреки настойчивым уговорам врачей кормить грудью, она твердо решила сразу приучать сына к искусственному питанию. Раз уж суждено отдать его отцу, не нужно создавать лишних привязанностей ни себе, ни ребенку. Так будет

легче обоим.

Ближе к полуночи на улице разгулялся ветер. Внезапно в запертой изнутри палате пронесся холодный сквозняк, и дверь с тихим щелчком захлопнулась.

Барьер лопнул, словно мыльный пузырь. В нескольких кварталах отсюда, в своей квартире, Ся Саньцзюнь резко распахнул глаза и сел на кровати:

— Юэ-Юэ!

В больничной палате мигнул свет. Сиделка, еще минуту назад бодро листавшая журнал, без сил откинулась на спинку бамбукового кресла и закрыла глаза.

Ся Юэ мгновенно почуяла неладное, но веки налились свинцом, сознание заволокло тяжелым туманом, и она провалилась в беспробудный сон.

Плотные шторы бесшумно задвинулись сами собой, погрузив палату во тьму. Из угла донесся странный скрежещущий гул, похожий на вибрацию тонкого листа железа, однако никто из персонала в коридоре этого не услышал.

Серебристый призрачный силуэт приблизился к постели Ся Юэ. Висевший на шее девушки даосский амулет вспыхнул тусклым багровым светом и мгновенно рассыпался серым пеплом.

"Наконец-то я тебя нашел".

Белесая фигура скользнула сквозь кровать матери и зависла над детской люлькой, занавешенной тонким пологом. Кроха безмятежно спал.

— Если и винить кого, то лишь свою несчастную судьбу, — прошелестело существо.

Тонкие когтистые пальцы проникли под полог и замерли у самой шеи младенца. От нежной кожи пахло сладким молоком, крошечная грудка мерно вздымалась и опускалась в такт дыханию.

Тварь прежде не видела человеческих детенышей. Малыш забавно причмокивал пухлыми губками, будто сосал молоко во сне. Поистине очаровательное создание. Жаль только, что его смерть уже была щедро оплачена.

Тварь начала медленно сжимать когти. Однако в тот самый миг, когда она собиралась лишить ребенка жизни, пространство вокруг люльки исказилось от невыносимого давления. Серебристая тень испуганно замерла.

Младенец приоткрыл заплывшие глазки-щелочки.

Энергетические потоки вокруг колыбели закружились в стремительном вихре, напоминающем гигантское всевидящее око. А крошечные пухлые губы новорожденного вдруг растянулись в жуткой, совсем не детской усмешке.

"Ты хочешь меня убить?"

<http://bllate.org/book/20389/2105603>